

Кушнина Людмила Вениаминовна, Аликина Елена Вадимовна

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА "МАСТЕР И МАРГАРИТА")

Рассматривается культуроформирующая функция перевода, имеющая особое значение при решении проблемы иноязычной рецепции текста принимающей культурой. Методологическим основанием служит концепция переводческого пространства. Цель статьи - выявление роли переводческого времени и темпоральных смыслов при переводе художественного текста. Результатом исследования является обоснование предположения о том, что успешное транспонирование темпоральных культурологических смыслов в переводческом пространстве приводит к качественному гармоничному переводу, а сам переводчик становится элитарной языковой личностью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-3/32.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 3. С. 114-117. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'255.4

Рассматривается культуроформирующая функция перевода, имеющая особое значение при решении проблемы иноязычной рецепции текста принимающей культурой. Методологическим основанием служит концепция переводческого пространства. Цель статьи – выявление роли переводческого времени и темпоральных смыслов при переводе художественного текста. Результатом исследования является обоснование предположения о том, что успешное транспонирование темпоральных культурологических смыслов в переводческом пространстве приводит к качественному гармоничному переводу, а сам переводчик становится элитарной языковой личностью.

Ключевые слова и фразы: функции перевода; переводческое пространство; переводческое время; темпоральный смысл; гармоничный перевод.

Кушнина Людмила Вениаминовна, д. филол. н., профессор

Аликина Елена Вадимовна, к. пед. н., доцент

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

lkushnina@yandex.ru; elenaalikina@yandex.ru

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

Активное исследование культуроформирующей функции перевода в отечественной науке началось сравнительно недавно. Между тем истоки этого направления исследований следует искать как в материалах научного наследия классиков русского переводоведения, так и в переводных текстах, выполненных блестящими переводчиками своей эпохи. Один из основателей отечественной науки о переводе А. В. Федоров высказал немало чрезвычайно плодотворных идей, некоторые из которых до сих пор не получили должного развития. Ученый выступал против стратегий «обрусения» и «отчуждения», что в современных терминах обозначено как резистивный перевод и адаптивный перевод, выдвигая принцип соблюдения «равновесия национальных особенностей языков и культур при переводе» [7, с. 7]. В своих работах А. В. Федоров обращал особое внимание на принцип взаимодействия лингвистических, литературоведческих, культурно-эстетических факторов.

Следуя идее значимости языкового и культурного взаимодействия при переводе, мы разработали концепцию переводческого пространства, которая послужила основанием построения синергетической модели перевода. Изложим кратко суть концепции.

Перевод мы трактуем как систему гетерогенных смыслов, транспонируемых переводчиком из одного языка в другой, из одной культуры в другую в пределах переводческого пространства. Переводческое пространство рассматривается как полевая структура нелинейной конфигурации, содержащая ядро и периферию, ядерные и периферийные смыслы. Каждому полю соответствует свое текстовое измерение, где формируется свой смысл или компонент смысла. В качестве ядра выступает содержание текста, которому соответствует эксплицитно выраженный текст/дискурс. В ядре формируется фактуальный смысл, являющийся инвариантом для переводчика, т.к. в его основе лежит тема-рематическая прогрессия текста. Все остальные смыслы имплицитны, что требует существенных интеллектуально-эмоциональных, когнитивно-аффективных усилий переводчика.

Мы вычленим два текстовых поля и три поля субъектов переводческой коммуникации. Согласно модели, переводчик должен осознавать, что текст/дискурс содержит множество разнородных смыслов, которые необходимо понять, а затем транслировать в другой текст и другой дискурс. Смыслы, которые закладывает в текст автор, смыслы, которые передает переводчик, смыслы, которые воспринимает реципиент, неидентичны, неадекватны, неэквивалентны. Каждый субъект по-своему выражает и понимает смыслы. Задача переводчика состоит в том, чтобы эти смыслы были соотносимы, соизмеримы и согласованы. Этот процесс мы называем гармонизацией смыслов в переводческом пространстве. Мы выдвигаем гармонию в качестве аксиологической доминанты перевода [5].

Анализ смыслов совершается как синергетический процесс, в результате чего интегральный смысл текста перевода является тем синергетическим эффектом, который возникает в результате разнообразных взаимодействий «одиночных» смыслов, непременно сопровождаемый приращением новых смыслов, приемлемых в принимающей культуре. В связи с этим особое значение мы уделяем фатическому полю, где происходит контакт культур: именно культурологический смысл, культурологическая значимость, которую текст приобретает в новой языковой и культурной среде, становятся доминантами всего процесса. Если текст перевода естественным образом вписывается в принимающую культуру, он будет понятен реципиентам, следовательно, гармоничен.

Если перевод выполнен адекватно или эквивалентно, речь идет о так называемых «протянутых нитях» (метафора А. В. Федорова [7]). При гармоничном переводе между текстами оригинала и перевода выстраиваются «непротянутые нити», т.к. ни в языке, ни в тексте мы не находим для них прямых соответствий, они появляются в сознании переводчика, который представляет феномен переводческого пространства, у которого сформировано гармоничное переводческое мировоззрение и который достиг гармоничного текста перевода. Мы убеждены, что переводческое мастерство есть проявление переводческой гармонии, соотносимой со свободой перевода.

Несомненный интерес в рамках нашего исследования представляют работы канадского ученого Ж. Делиля [10]. Автор вычленил восемь функций перевода: перевод как источник вдохновения; перевод

как школа стиля; перевод как трансгрессивное искусство; перевод как паллиатив; перевод как созидатель культуры; перевод как индикатор; перевод как идентичность; перевод как носитель литературных жанров [Ibidem, p. 42]. Из указанных функций остановимся подробнее на культуросозидающей функции перевода.

В нашей предыдущей публикации [4], выполненной на материале поэтических переводов, представлена синергетическая модель перевода. В данной статье мы пришли к выводу, что переводоведение, будучи междисциплинарной наукой, в рамках синергетической парадигмы приобретает новое направление своего развития, т.к. синергия смыслов приводит переводчика к гармонии текстов, означающей, что текст перевода принят новой культурой. В результате принимающая культура обогащается, коммуниканты понимают друг друга, а переводчик исполняет свою гуманитарную миссию [11].

Анализ гармоничного перевода и приращения смысла, возникающего в переводческом пространстве художественного текста, проведем на материале фрагмента романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [1] и его перевода на французский язык, выполненного К. Линьи [9].

Прежде чем перейти к анализу, рассмотрим проблему иноязычной рецепции текста. Особое внимание обратим на понятие «переводческое время», которое мы разрабатываем в рамках концепции переводческого пространства, что в совокупности создает понятие переводческого хронотопа. Как было показано нами в предыдущих исследованиях, «темпоральное поле одного и того же художественного текста воспринимается и оценивается реципиентами как принадлежащее к разным временным диапазонам» [4, с. 82]. В ситуации перевода это различие усиливается, т.е. наблюдаются расхождения в мировосприятии в соответствии с национальной принадлежностью коммуникантов. В исследовании И. Н. Хайдаровой лингвокультурный концепт «время» включен в смысловую синергетическую модель процесса перевода, а переводческое время трактуется как система взаимодействующих темпоральных смыслов текста и субъектов переводческой коммуникации. При этом темпоральный смысл понимается как «актуальная культурно-обусловленная ценность времени для субъектов переводческой коммуникации, выраженная определенными языковыми средствами...» [8, с. 7]. В работе Н. Ю. Георгиевой подчеркивается идея о том, что расхождения в ценностной категоризации времени создают препятствия в процессе трансляции темпоральных смыслов, поэтому необходима разработка адаптивных стратегий перевода, чтобы текст стал гармоничным «достоинством другого языка и другой культуры, представляя общечеловеческую ценность» [2, с. 21].

О специфике категоризации ключевых концептов окружающего мира, включая концепт «время», пишет О. А. Корнилов: «Концепт русского языка *вечер* – временная сингулярность, миг. Иностранец в недоумении: а как же знаменитые “Подмосковные вечера”?» [3, с. 195]. Таким образом, противоречивость концептов времени суток в разных языках является особенностью языкового сознания говорящих.

Проблема иноязычной рецепции романа регулярно возникает в научной среде, и это неудивительно. Если в русской культуре этот роман признан культовым, то иноязычные читатели вынуждены довольствоваться авторитетным мнением специалистов, т.к., читая перевод, не всегда представляется возможным в полной мере оценить эстетику романа, его художественную оригинальность и непревзойденность. Роман называют и сатирой, и фантастикой, и комедией, и политической пародией, и философской поэмой, и историей любви. Именно многосмыслие романа становится серьезным препятствием для переводчика. Вместе с тем известно, что его переводы ежегодно переиздаются во многих странах мира.

Данной проблеме посвящена статья О. В. Мальшевой [6], которая приводит результаты исследований современных испаноязычных ученых, переводчиков и критиков перевода. Так, по мнению Р. С. Висенте, в романе можно выделить два мира: это мир Москвы 30-х годов XX века и библейский мир, а сам роман назван симфонией и оперой. Х. М. Гелбенз видит в романе три сюжетные истории: появление Воланда и его свиты в Москве, история любви Мастера и Маргариты, история о прокураторе Понтии Пилате [Там же]. В суждениях испаноязычных авторов есть и сходство с идеями русских булгаковедов, и расхождения, например, подчеркивается автобиографичность романа, отражение социально-политической ситуации Советской России, а также следование сатирическим традициям европейской литературы. Все авторы единодушно называют роман сокровищницей мировой литературы, экстраординарным произведением, обладающим «вневременным» значением, а его автора – признанным русским прозаиком XX века.

В поле нашего зрения оказались переводы «Мастера и Маргариты» на французский язык. Как показал наш анализ, фрагментов гармоничного перевода не так много в силу сложности, «многослойности» текста оригинала и его образов. Обратимся к тому фрагменту, который, на наш взгляд, переведен гармонично:

Нет! Мастер ошибался, когда с горечью говорил Иванушке в больнице в тот час, когда ночь переваливалась через полночь, что она забыла его. Этого быть не могло. Она его, конечно, не забыла [1, с. 223]. / Non, le Maître s'était trompé quand, à la Clinique, en cet instant où le temps, dans sa course, franchissait le cap de minuit, il avait dit d'un ton douloureux à Ivanouchka qu'elle l'avait oublié. Cela ne pouvait être. Bien sûr qu'elle ne l'avait pas oublié [9, p. 299].

В цитированном фрагменте наибольший интерес представляет проявление переводческого времени. Исследование переводческого времени мы проводим на основе темпоральных маркеров, отражающих темпоральные смыслы. Акцентируем внимание на темпоральных смыслах, которые раскрываются в фатическом поле переводческого пространства, т.к. в русской и французской лингвокультурах наблюдаются расхождения в обозначении времени суток, подтверждение чему находим в прямых значениях лексем. В данном случае метафорические формы лишь усиливают эти расхождения, которые приходится преодолевать переводчику. Так, во французском языке, как и во многих европейских, нет самого понятия *сутки*, что передается выражением *24 heures sur 24*. По наблюдениям О. А. Корнилова, занимающегося проблемой языковой картины мира и ее отражения

в менталитете говорящих, распределение времени суток также различается в русском, английском, испанском, китайском языках. То же самое можно сказать и о французском языке. Так, во французском существует понятие *après-midi*, обозначающее время после полудня, чего нет в русском. Более того, если во французском языке раннее утро может обозначаться, например, как *deux heures du matin* (букв. *два часа утра*), то по-русски предпочтительно выражение *два часа ночи*. О. А. Корнилов отмечает: «Весьма интересно проявляется специфика национальной логики в том, как используются названия периодов суток в национальных приветствиях...» [3, с. 199]. Иными словами, временные концепты, которые отражают особенности национальной логики мышления, не совпадают в разных языках, хотя их семантический объем полностью совпадает.

Возвращаясь к примеру, подчеркнем, что в русском тексте автор использует однокоренные лексемы *ночь* и *полночь*, тогда как во французском переводе остается лишь *minuit* – *полночь*. Сочетание *в тот час, когда* заменено на *en cet instant où le temps dans sa course* (букв. *в тот момент, когда время в своем движении*). Ни по количеству слов, ни по их словарному значению данные фрагменты, в которых отражены темпоральные смыслы, не совпадают. Фокусы временных категорий и темпоральных смыслов различны, но перевод мы признаем гармоничным, т.к. именно он отражает национальную неповторимость вербализации темпоральных смыслов русской и французской лингвокультур.

Гармония является результатом успешного транспонирования темпоральных культурологических смыслов, поскольку франкоязычный переводчик К. Линьи адаптировал темпоральные смыслы к французской культуре. В то же время мы констатируем проявление синергии, обусловленной приращением новых смыслов, облегчающих рецепцию перевода принимающей культурой. В переводе семантика темпоральных маркеров несимметрична маркерам оригинала: если в русском тексте концепт *время* вербализуется лексемами *час, ночь, полночь*, то во французском совпадает лишь одна лексема из трех: *instant, temps, minuit*. Как видим, информационный временной континуум в разных языковых сознаниях реализуется по-разному, что соответствует разным мироощущениям коммуникантов. Способность переводчика передать национальные мироощущения и мирооценки приводит его к гармоничному переводу. При этом мы отмечаем, что в случае выбора переводчиком адекватного словарного соответствия перевод окажется квазиадекватным, т.е. неприемлемым для носителей другой культуры, другого языкового сознания.

Идею гармонии мы соотносим с идеей свободы перевода. При этом мы не отождествляем свободу перевода с вольностью. Мы ассоциируем свободу перевода со стремлением переводчика уйти от жестких словарных соответствий, от заданных в оригинале грамматических структур. Свобода перевода означает для нас вариативность текста в его смысловом отношении, лексико-грамматическую гибкость, синтаксическую подвижность. Именно в этом состоит отличие гармоничного перевода от адекватного или эквивалентного. Свобода перевода характеризует языковую личность переводчика как мыслящего субъекта коммуникации, владеющего гармоничным переводческим мировоззрением, предполагающим высокий уровень культуры, постоянное речевое совершенствование, деонтологическую и коммуникативную ответственность. Свобода перевода означает, что переводящая личность сама претерпевает изменения, расширяя горизонт переводческого видения, приобретая черты элитарности, что обуславливает порождение качественного, гармоничного перевода.

Подводя итог, напомним мысль упомянутого выше Ж. Делиля о том, что перевод – это не только диалог культур, но чаще всего это то, что их формирует [10, р. 46]. В связи с этим ученый признает, что культуроформирующая функция – это самая благородная функция перевода, которая наиболее ярко проявляется в периоды расцвета литературы любой страны.

Мы убеждаемся, что гармоничность переводного текста и переводного дискурса представляет собой образность, соразмерность, со-рефлексию, достигаемую переводчиком в процессе интеграции текста в принимающую культуру. Важно подчеркнуть, что гармоничность предполагает сосуществование множества вариантов перевода одного и того же текста. Диапазон переводческой гармонии простирается, по нашему мнению, достаточно широко: в каждой культуре приращение новых смыслов должно быть сообразным ожиданиям носителей этой культуры.

Напомним высказывание О. А. Корнилова, который, изучая логику образности разных языков на материале фразеологизмов, оценил ее как «презумпцию неодинаковости»: «...роль формы выражения любого смысла в формировании национального образа мира ничуть не меньше самого выражаемого смысла, ибо каждой из семантических универсалий, составляющих единый логико-понятийный базис человеческого сознания, может соответствовать неограниченное число самых разнообразных форм выражения, опирающихся на совершенно разные мотивации» [3, с. 282].

Завершая, вернемся к идеям А. В. Федорова, созвучным размышлениям наших современников: «Одно и то же произведение может существовать в нескольких переводах, хотя бы и равного художественного достоинства, но все же различных, и каждый из этих переводов может быть по-своему законным...» [7, с. 108]. Эти идеи подтверждают вывод о том, что смысловые и формальные, языковые и культурные различия гармоничных переводческих решений – не только естественный факт языкового сознания переводчика, но и его профессиональная задача, реализующая социальную потребность всего языкового и культурного сообщества.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: Азбука-Классика, 1984. 399 с.
2. Георгиева Н. Ю. Адаптивные стратегии трансляции темпоральных смыслов (на материале англоязычного и русскоязычного делового дискурса): автореф. дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2013. 23 с.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

4. Кушни́на Л. В. Переводческий хроно́топ: творчество *versus* стереотипность // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. научн. тр. / под ред. проф. М. П. Котюровой. Пермь, 2007. Вып. 11. С. 77-88.
5. Кушни́на Л. В., Аликина Е. В. Гармония в системе оценки качества устного перевода // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. 2010. № 1. С. 141-147.
6. Малышева О. В. Рецепция романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в испаноязычной литературе // Вестник науки Сибири. 2012. № 3 (4). С. 251-257.
7. Федоров А. В. О художественном переводе. Работы 1920-1940-х годов. СПб., 2006. 256 с.
8. Хайдарова И. Н. Исследование категории переводческого времени в сопоставительном аспекте (на материале русского и немецкого языков): автореф. дисс. ... к. филол. н. Тюмень, 2008. 26 с.
9. Boulgakov M. Maître et Marguerite / Traduit du russe par C. Ligny. Paris: Edition Robert Laffont, 1994. 577 p.
10. Delisle J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction // Atelier de traduction. Editura Universitatii din Suceava. 2014. № 21. P. 37-60.
11. Kushnina L. Les langues et les cultures dans l'espace traductif // Atelier de traduction. Editura Universitatii din Suceava. 2014. № 21. P. 61-74.

**CULTURAL DIMENSION OF TRANSLATION
(BY THE MATERIAL OF THE TRANSLATION OF THE NOVEL "THE MASTER AND MARGARITA")**

Kushnina Lyudmila Veniaminovna, Doctor in Philology, Professor
Alikina Elena Vadimovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Perm National Research Polytechnic University
lkushnina@yandex.ru; elenaalikina@yandex.ru

The paper considers the culture-forming function of translation, which is of particular importance in solving the problem of a foreign language reception of the text by the host culture. The methodological basis is the conception of translation space. The purpose of the article is the identification of the role of translation time and temporal meanings in the translation of literary texts. The result of the study is the substantiation of the assumption that a successful transposition of temporal culturological meanings in the translation space leads to the qualitative harmonious translation, and the translator becomes an elite linguistic personality.

Key words and phrases: translation functions; translation space; translation time; temporal meaning; harmonious translation.

УДК 81'367.626

В статье выдвигается положение о том, что местоимения могут выполнять разнообразные прагматические функции. Показывается, что существенную роль в реализации значения афоризмов играют кванторные отрицательные местоимения. Выдвинутое положение рассматривается на примере местоимения «ничто». На основе проведённого анализа делается вывод о том, что включение местоимения «ничто» усиливает обобщённость семантики афоризма, делает его более категоричным, экспрессивным, оценочным, позволяет ярче выразить мысль о противоречивости бытия.

Ключевые слова и фразы: местоимение; афоризм; генерализация смысла; отрицание; сравнение; экспрессивность; предельная оценка; интенсификация; противоречие; парадокс.

Маринченко Ирина Александровна, к. филол. н., доцент
Дальневосточный федеральный университет (филиал) в г. Уссурийске
irmarinchenko@yandex.ru

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АФОРИЗМОВ
С МЕСТОИМЕНИЕМ «НИЧТО»**

При изучении местоимений исследовательский интерес лингвистов постепенно переносится в область реализации их прагматических функций. Мнимая простота местоимений и ограниченность данного разряда слов не мешают им выполнять разнообразные коммуникативные задания.

Так, местоимения, несмотря на отсутствие у них достаточно определённого предметно-логического содержания, склонны к реализации оценочного значения. С. И. Айтасова убедительно показывает, сколь велика роль неопределённых местоимений, используемых для замены прямых наименований страшного, неприятного, неприличного и т.д. в прозе Н. В. Гоголя [1]. Е. П. Сеничкина отмечает, что неопределённые местоимения являются одним из лексических средств выражения семантики умолчания, которая в целом имеет прагматический характер [16, с. 49]. Е. Н. Василенко исследует роль личных и притяжательных местоимений в реализации стратегии убеждения в политическом дискурсе и выделяет разнообразные тактики говорящего: самопрезентации, указания на перспективу, обещания, призыва и т.д. [3, с. 99].

В политической речи обильное использование местоимений свидетельствует о нежелании или неумении политика выражаться ясно, об эвфимизации или обличительном характере речи. Многие из известных высказываний В. С. Черномырдина («черномырдинок») изобилуют подобными примерами (см. об этом: [8]):